

ва, содержащего процесс грабителей царских могил в фиванском некрополе. Среди воров, допрошенных судом в 16 г. Рамсеса XI, значится некий «Ахаутинер, сын Нахтеммута, который был в руке (m d'g.t) Тенерамона, раба-нубийца верховного жреца Амона»¹. Конечно, если раб всемогущего в те времена верховного жреца Амона пользовался милостями своего господина, то он мог, несмотря на свое подначальное положение, быть гораздо более значительным лицом, чем очень многие свободные египтяне, однако, мне кажется, было бы ошибкой думать, что здесь все дело в том, кому принадлежал раб. Это можно видеть на примере нескольких других рабов, упоминаемых в том же процессе грабителей фиванского некрополя: Сехагемон, раб торговца Пасаенуаста, продал грабителям 3 *хар* зерна², а у торговца Паика, являвшегося рабом главы лучников храма Ра, при повальном обыске, производившемся для того, чтобы изобличить грабителей, их пособников и скупщиков краденого, была найдена по тем временам большая сумма в 6 *дебен* и 6 *кит* серебра³. В этих двух случаях рабы, продолжая числиться рабами, фактически сами являются эксплуататорами.

Конечно, таких случаев, равно как и случаев, когда рабы являлись держателями или владельцами земли, было немного. Но они были, и их наличие, особенно наличие рабов — владельцев земли, свидетельствует о том, что в некоторых случаях в Египте конца Нового царства, ощущалась невыгодность применения рабского труда.

О том же явлении, я полагаю, говорит то обстоятельство, что во времена XIX—XX династий (возможно, и раньше), угоняемые в Египет жители завоеванных стран⁴ достаточно часто сажались на землю. А то, что дело обстоит именно так, показывают такие названия, как округ «поля хеттов», известный из надписи времени Эйе⁵, или же «дом шарданов», упоминаемый в тексте XX династии⁶. О том же самом свидетельствует тот факт, что среди держателей земли, упоминаемых Туринским налоговым папирусом, некоторые названы «иноземцами» (^{3c}), а в папирусе Вильбур А насчитывается 68 участков земли, находившихся в руках шарданов различных положений.

¹ Папирусы Амхерст+Леопольд III, 15 (JEA, т. XXII, 1936, стр. 169 слл.).

² ПБМ, 10052, 8, 11—12, издан. E. Peet, The great tomb-robberies of the XX Egyptian dynasty, Oxf., 1930.

³ ПБМ, 10068, лицевая сторона 4, 11, издан. E. Peet, ук. соч.

⁴ Именно они и составляли основную массу тех пленников, о которых говорят цифры царских победных надписей.

⁵ Rec. de Trav., т. XVI, стр. 123.

⁶ Амьенский папирус, оборотная сторона, 2x+10.

А. И. Доватур

АГРАРНЫЙ МИЛЕТ

Свободная парцеллярная собственность являлась экономическим основанием общества в лучшие времена классической древности¹. Хорошо известно, что это положение справедливо по отношению к материковой Греции, но необходимо также установить, насколько оно верно для других частей греческого мира; должно полагать, что и там города — по крайней мере на заре своей истории — были местами поселения земельных собственников. Позднейший торговый расцвет некоторых городов не может служить основанием для заключения о том, что эти города с самого своего возникновения имели чисто торговый характер.

Первоначальный характер города, основанного на земельной собственности и на земледелии, должен был оставить после себя более или менее заметные следы, которые не могли не отразиться в исторических преданиях. Далеко не всегда такого рода исторические предания дошли до нас, но в тех случаях, когда они сохранились, они имеют особую ценность.

В немногочисленных специальных работах, посвященных целиком или частично вопросу об экономике греческих колоний в раннюю пору их истории, городам Ионии уделено очень мало внимания². Можно ли говорить о городах Ионии как о поселениях земледельческих и считать землевладельцев господствующим слоем населения в Ионии в течение известного периода ее истории? Этот вопрос, не получивший достаточного освещения в существующей литературе, приобретает особую остроту в применении

¹ См. К. М а р к с, Капитал, III, 1950, стр. 819; он же, Формы, предшествующие капиталистическому производству, ВДИ, 1940, № 1, стр. 15.

² См. А. G w y n n, The Character of Greek Colonisation, JHS, 38 (1918), стр. 18 сл.; S. L a m b r i n o, Les tribus ioniennes d'Histria, «Istros. Revue roumaine d'archéologie et d'histoire ancienne», I (1934), стр. 120; G. G l o t z, Histoire grecque, I, 1925, стр. 155—158, 168, 184 сл., 189; К. М. К о л о б о в а, К истории вопроса о греческой колонизации, ВДИ, 1949, № 2, стр. 127. Совершенно отрицает земледельческий характер греческих поселений в Ионии А. J a r d é, La formation du peuple grec, P., 1923, стр. 232—236. Наоборот, подчеркивает значение земледелия для некоторых городов Ионии — Колофона, Приены, Миунта — даже в более позднее время — Th. L e n s c h a u, Zur Geschichte Ioniens, «Klio», 13 (1913), стр. 175. Особенно настаивает на земледельческом характере ионийских поселений в Малой Азии, в частности — Милета. J. H a s e b r o e k, Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit, Tübingen, 1931, стр. 76 и 120 сл. На той же точке зрения стоит А. V. G e r k a n, Zur Lage des archaischen Milets. Bericht über den VI. Internationalen Kongress für Archéologie. В., 1940, стр. 324. О значении для греческих колонистов в первую очередь особенностей территории говорят: G. G l o t z, Le travail dans la Grèce ancienne, P., 1920, стр. 122; J. H. S c h u l t z e, Zur Geographie der altgriechischen Kolonisation, «Petermanns geographische Mitteilungen», 87 (1941), стр. 7 сл.

к Милету, с именем которого обычно соединяется представление о крупнейшем торговом центре древнего мира.

Были ли, прежде всего, в Ионии достаточные предпосылки для создания аграрных (в более или менее строгом смысле этого слова) государств? Можно признать, что греческие поселенцы нашли в Малой Азии известные торговые традиции: ведь в занятых греками областях имелось старое население, которое, по всей вероятности, уже в эгейскую эпоху было вовлечено в существовавший тогда торговый обмен с другими странами¹. Это обстоятельство, однако, само по себе не предопределяет решения вопроса об экономической основе ранних греческих поселений в Ионии. Малоазийские колонии могли первоначально иметь земледельческий характер.

Такому предположению не противоречат наши сведения о природных условиях малоазийского побережья и соседних островов. Ионийское побережье представляет собой плодородную полосу, хотя и уступающую в смысле плодородия соседней Эолиде, но все же довольно богатую хлебом (в долинах), виноградом, фруктами, оливами (по склонам гор)². В частности, область Милета была особенно благоприятна для хлебопашества, виноградарства, плодоводства, оливковых насаждений и для скотоводства³. На островах — не только на эолийском Лесбосе, но и на ионийских Хиосе и Самосе — удобная для возделывания площадь более значительна, чем на берегу материка. Естественные условия, таким образом, не препятствовали развитию земледелия в Ионии и, следовательно, перенесению туда тех общественных отношений, какие сложились в метрополии. Рассказ о том, как Фалес Милетский, предвидя большой урожай оливок, законтрактовал с зимы все имевшиеся в Милете и на Хиосе прессы для выжимания оливкового масла и нажил большие деньги⁴ (Aristot., Polit., I, 11, 1259a; Diog. L., I, 34), — свидетельствует о важном хозяйственном значении для Милета его окрестностей уже в то время, когда город славился своей торговлей и промышленностью. О плодовых деревьях в Милетской области мы знаем из Геродота (IX, 97).

Большой интерес представляет рассказ Геродота о войне лидийских царей Садиятта и Алиатта с Милетом. Враги были не в состоянии обложить город, так как милетяне господствовали на море. Поэтому лидийцы режали деревья и посевы (τά τε δένδρα καὶ τὸν καρπὸν τὸν ἐν τῇ γῆ — 1,17) и хлеб на полях (τὸ λήϊον — 19), а затем уходили, давая возможность своим противникам вновь засеять и обрабатывать землю (τῆν γῆν σπείρειν τε καὶ ἐργάζεσθαι — 17). С рассказом об этой войне связано новеллистического типа предание о том, как милетский тиран Фрасибул, желая показать лидийскому посланцу изобилие припасов в городе, приказал снести весь имевшийся в наличии хлеб на городскую площадь и затем по данному сигналу приступить к пиршеству (21). Под впечатлением рассказа вернувшегося посланца лидийский царь заключил с Милетом мир (22). Обычно эту новеллу сопоставляют с рядом античных и более поздних преданий, герси которых, находясь в крайней нужде, удачно обманывают своих противников, создавая видимость богатства и обилия, и таким

¹ См. G. Glotz, La civilisation égéenne, P., 1923, стр. 251 слл.

² См. G. Glotz, Histoire grecque, I, P., 1925, стр. 259—276; ср. R. Blanchard, Asie Occidentale, P., 1929, стр. 80 сл., 90, 93 (Géographie Universelle publiée sous la direction de P. Vidal de la Blache et Gallois, VIII).

³ Об овцеводстве в Милетской области см. Hiller v. Gärttingen, RE, s. v. Miletos, 30 п/т., стб. 1590.

⁴ Этот факт приводит А. И. Тюменев, История античных рабовладельческих обществ, М.—Л., 1935, стр. 35 (ИГАИМК, вып. 111).

путем избавляются от опасности¹. Толкование рассказа Геродота в этом смысле вполне возможно, но имеется больше оснований интерпретировать его иначе. Дело в том, что у Геродота нет нигде ни прямого, ни косвенного указания на голод в Милете. В конце рассказа говорится о разочаровании Алиатта, который ожидал услышать, что хлеба в городе нет и что милетяне доведены до крайности. Однако нигде не сказано, что надежды Алиатта соответствовали действительности. Наоборот, то обстоятельство, что Милет занимал господствующее положение на море (τῆς γὰρ θαλάσσης οἱ Μιλήσιοι ἐπεκράτεον — 17), и то, что лидийское войско всякий год после своего опустошительного похода возвращалось назад (ἀπαλλάσσετο ὀπίσω — там же), — достаточно ясно говорят о возможности подвозить хлеб с моря и спокойно выгружать его.

Если так, то хитрость Фрасибула состояла не в том, что он обманул лидийского посланца, создав иллюзию благоденствия, а в том, что он сумел очень наглядно показать, какими запасами обладает город. При обычном толковании оказывается, что набеги лидийцев действительно лишили Милет средств пропитания, при предлагаемом нами — на голод в Милете рассчитывает лидийский царь, не понимающий условий экономической жизни приморских торговых центров. В первом случае господство Милета на море оказывается лишенным всякого значения — Милет, как и любой чисто континентальный город, питается собственным хлебом; это могло бы быть главным доводом против традиционного толкования, так как в основе милетской новеллы не могла лежать такая явно противоречащая действительности предпосылка. Во втором случае — все дело в том, что хлеб привозится в Милет главным образом извне, но земледелие в области Милета все же настолько значительно, что враг надеется уморить город голодом, уничтожая плодовые деревья и хлеб на полях. Не напоминает ли нам эта картина того, что происходило в Аттике в первые годы Пелопоннесской войны, когда царь Архидам, вторгаясь со своими спартанцами в афинские владения, производил в них опустошения, а жители Аттики укрывались за стенами Афин? Милет VI века, подобно Афинам V века, лишь частично кормится плодами своей непосредственной области и не управляется землевладельцами, но имеет крестьянское население, которое сидит на земле и занимается не только овцеводством, но и земледелием. У Геродота есть деталь: лидийцы не разрушали тех построек (οἰκίματα), которые были на полях (17). Это, по видимому, были жилища (далее о них сказано — τὰς δὲ οἰκίας) и хозяйственные строения милетских земледельцев и землевладельцев. Существенного различия между социально-экономическим строем Афинского и Милетского государств могло не быть. Диспропорция между размерами земельной площади Аттики и Милетской области в значительной степени сглаживается тем, что лишь одна четвертая или одна пятая часть аттической территории поддается обработке².

До сих пор речь шла о том, что в Ионии имелись условия для создания государств аграрного типа. Если бы мы после этого стали искать прямых

¹ R. Sch ubert, *Geschichte der Könige von Lydien*, Breslau, 1884, стр. 45; G. Ra det, *La Lydie et le monde grec aux temps des Mermnades*, P., 1893, стр. 195; В.Клигер, *Сказочные мотивы в истории Геродота*, Киев, 1903, стр. 188сл., 199сл.; W. Aly, *Völksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*, Göttingen, 1924, стр. 35сл.; D. G. Ho garth, *Lydia and Ionia*, SAN, III, 1925, стр. 513. Первым оценил значение рассказа о войне милетян с Алиаттом с исторической точки зрения Hasebroek, там же; он, однако, без достаточного основания и вопреки истинному смыслу рассказа, полагает, что опустошительные набеги лидийцев действительно подорвали основу материального благосостояния Милета.

² См. примерные вычисления Ed. Meyer, *Forschungen zur alten Geschichte*, II, Halle a. S., 1899, стр. 192; G. G lo t z, *Histoire grecque*, II, P., 1930, стр. 405.

или косвенных указаний на действительное господство землевладельцев в материковой и островной Ионии, то мы нашли бы такие указания в следующих фактах: для Самоса — правление геоморов и события, предшествовавшие установлению тирании Поликрата, для Колофона — правление всадников (ср. Халкида и Эретрия), для Хиоса и Эрифр — правление Василидов¹.

Знаменателен, с нашей точки зрения, следующий факт из истории Милета. Около середины VI в. паросцы, в качестве посредников между двумя борющимися в Милете в течение двух поколений сторонами, передали власть, по словам Геродота (V, 28—29), в руки тех, кто, несмотря на длительную гражданскую борьбу в государстве, сохранил в хорошем состоянии свое поле, т. е. — в руки неразорившихся землевладельцев. Свидетельство это представляет интерес с разных сторон. Во-первых, оно еще раз подтверждает наличие в Милетском государстве земельных собственников, которые, так же как и аттическое крестьянство, держались за землю, как за источник своего существования. Во-вторых, оно дает нам основание сделать некоторые важные для нас выводы. Передачу власти землевладельцам — независимо от объяснений, даваемых Геродотом, — следует истолковывать как реакцию, попытку возвращения к прошлому: ведь самый факт передачи управления государством в руки земельных собственников был совершенно непонятен в исконно торговом, никогда не знавшем господства землевладельцев государстве. Очевидно, в середине VI в. какие-то слои земельных собственников попытались занять в государстве то положение, какое они или другие землевладельческие слои когда-то действительно занимали.

В зарубежной научной литературе был поставлен вопрос о том, не является ли разобранный нами сообщение Геродота политической притчей, вставленной по каким-то неизвестным нам причинам в исторический контекст². Не говоря уже о полной произвольности подобного толкования, следует обратить внимание на то, что такая притча могла бы возникнуть лишь при наличии соответствующих реальных экономических и политических условий.

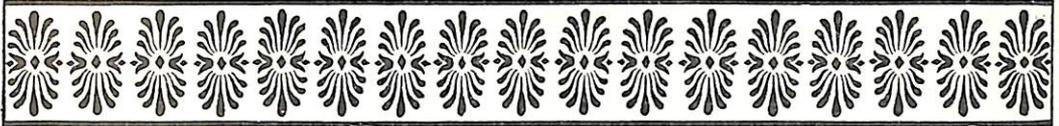
Милетский поэт того времени Фокилид (№7, Diehl) советует тому, кто стремится разбогатеть, заняться земледелием и считает поле истинным источником обогащения, ссылаясь при этом, что особенно любопытно, на бытовавшую, повидимому, в Милете пословицу, называвшую поле рогом изобилия: *Χρηζῶν πλοῦτου μελέτην ἔχει πίνος ἀγροῦ. ἀγρὸν γάρ τε λέγουσι Ἀραλθεΐτης κέρασ εἶναι.*

В таких взглядах нельзя не видеть отражения старинных представлений, которые не умирали в Милете даже в эпоху его торгового расцвета. Политические события середины VI в. и двустишие Фокилида говорят об одном и том же: социальные слои, опиравшиеся на землевладение, даже в VI в. не были в Милете невесомой величиной.

¹ См. G. Busolt, Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironeia, I², Gotha, 1895, стр. 455, прим. 6 и 471; B ü r c h n e r, RE, s. v. Kolophon, п. т. 21, 1921, стб. 1116 сл.; G l o t z, ук. соч., I, стр. 274 сл. и 280; M. A. U r e, The Outer Greek World in the Sixth Century, САН, IV, 1926, стр. 89.

² W. W. H o w a. J. W e l l s, A Commentary on Herodotus II, Oxf., 1928, стр. 11 (ad. loc.)

Проф. М. Е. Сергеенко

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ИТАЛИЙСКИХ SUBURBANA

Трудно представить себе даже небольшую страну, сельское хозяйство которой было бы повсюду совершенно одинаковым. Для Италии, столь разнообразной и по климату, и по рельефу местности, и по характеру почвы, такое единообразие не имело и не могло иметь места. Долина По и Апулия, Этрурия и Самний, Пицен и Кампания представляли собой хозяйственные округа с ясно выраженными индивидуальными особенностями: характер их хозяйства определялся совмещением определенных хозяйственных отраслей или предпочтением той или иной из них, стойким выбором отдельных культур, особенностями организации самого хозяйства. Сведения, которыми мы располагаем по всем этим вопросам, отрывочны, а иногда и просто скудны, но кое-что мы все-таки знаем, и, говоря о сельском хозяйстве древней Италии, мы эти индивидуальные особенности каждого района должны неизменно учитывать. Они были созданы рядом причин: экономических, исторических и природных. И среди причин экономического характера расчет на определенный рынок, отдаленность или близость хозяйства к городу и в последнем случае постоянная связь с ним не только накладывали на хозяйство своеобразный отпечаток, но часто и определяли весь его характер. Особенно ясно видим мы это на хозяйстве suburbana, т. е. тех поместий, которые были расположены под Римом. Можно не сомневаться, что в имениях, находившихся вблизи от других больших городов и связанных с городским рынком, хозяйство строилось в соответствии с требованиями, которые этот рынок предъявлял, но сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, относятся только к suburbana в узком значении этого слова, т. е. к имениям под Римом. Для них имеется у нас довольно богатый материал, и о них поэтому будем мы и говорить.

Уже Катон выделял suburbana в особую хозяйственную единицу, которой и посвятил в своей книге две главы (7 и 8). Хозяину подгородного имения рекомендуется строить свое хозяйство с учетом тех потребностей городского рынка, которые он может удовлетворить именно вследствие своей близости к Риму. Горожанину нужны дрова — пусть хозяин насадит у себя виноградный сад (arbustum): обрезка деревьев, по которым вьются виноградные лозы, обеспечит его дровами для продажи в городе. Городу нужно вино и оливковое масло — то и другое можно привезти как из suburbanum, так и из мест дальних, но снабдить городской рынок свежесозрелыми маслинами или виноградом могло, при характере тогдашних перевозок и тогдашних способов хранения фруктов, только подгородное имение. Сорты плодовых деревьев, рекомендованные Катонem для suburbanum, дают фрукты, которые на римском рынке будут особенно